

УДК 1751

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРИЕМ ОСТРАНЕНИЯ В «ЛЕДЯНОЙ ТРИЛОГИИ» В. СОРОКИНА
Айвазян С. С.

В статье рассматривается прием остранения, проанализированный еще В. Шкловским, особенности этого приема на раннем этапе творчества В. Сорокина, развитие приема в «Ледяной трилогии», относящейся к последним двум десятилетиям творчества писателя. Мы обратились к основным способам остраненной репрезентации реальности, истории, пронизывающих все повествование трилогии.

Ключевые слова: прием остранения, деавтоматизация восприятия, инаковость.

Введение. Прием остранения был проанализирован В. Шкловским в работе «Искусство как прием». В статье мы отталкиваемся от данного Шкловским определения остранения, выступающего как деавтоматизирующий конструкт, помогающий представить какое-либо явление, предмет и пр. как впервые увиденный, изменить традиционное понимание и восприятие, используя непривычные повествующие инстанции (повествование от лица животного, безавторский нарратив и пр.). Также мы обратились к рассмотренному Денисом Иоффе приема остранения в русском поставангарде, в частности, влиянию и преемственности традиций авангарда в творчестве В. Сорокина. [1:183]

Владимир Сорокин - современный автор, лауреат множества премий («Большая книга», премия Андрея Белого, Букеровская и пр.), писатель сформирован культурным и эстетическим андеграундом 1960–1980-х годов, в частности, концептуальным искусством, школой московского концептуализма. В раннем творчестве писателя прием остранения предстает поэтапным доведением повествования до «точки кипения», когда текст преодолевает изначальную стилистическую форму, оборачиваясь шоком, жестоким дискурсом, уничтожающим все ожидания

читателя. Это доведение советского нарратива до бреда неразличения, сюрреалистического потока сознания. Это частотный авангардный прием максимального озадачивания зрителя и читателя.

Обратимся к изучению приема остранения в поздних текстах автора. В «Ледяной трилогии», первая часть которой была опубликована в 2002 году, мы находим иной прием остранения, отсылающий не столь к шоковой терапии, сколь к переиначиванию восприятия, обусловлено это по большей мере тем, что повествование строится не в рамках советского нарратива, соцреализма, целью является не разрушение самого советского дискурса, а определенных представлений о жизни, предназначении человека и литературы, имеющих вневременную привязку, автор расширяет территорию применения приема.

В трилогии мы видим наглядное изображение, материализацию приема остранения, проявляющегося в тексте двумя основными планами:

1. детский взгляд, почти два десятка исторических событий, данных через внутреннюю фокализацию, это взгляд ребенка, открывающего, познающего мир. Это позиция изначальной инаковости, рассматривающей окружающую действительность вне каких-либо конвенций, они еще не довлеют в сознании ребенка.
2. взгляд людей, ставших братьями и сестрами света, увидевших человека и человеческую жизнь остраненно, это взгляд инопланетного существа, избавившегося от всего «мирского» и сиюминутного.

Оба случая отсылают нас к пониманию остранения Шкловским, это эстетическая функция, задача которой избавить адресата от «замысленности» восприятия, но не авангардная шокотерапия, свойственная ранним сорокинским текстам.

«Автоматизация съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны» [3:13], а так как наши представления о событиях прошлого уже имеют устоявшуюся форму, не предполагают разночтений, то автор запускает механизм по разрушению автоматизма восприятия. «Вещи, воспринятые несколько раз, начинают восприниматься узнаванием: вещь находится перед нами, мы знаем об этом, но ее не видим» [3:13], потому нужно изменить угол зрения, повествующую инстанцию.

Рассмотрим оба приема деавтоматизации восприятия, использованные Сорокиным в «Ледяной трилогии».

Трилогия состоит из трёх романов: «Путь Бро», «Лёд» и «23000».

30 июня 1908 года начинается действие романа, герой этой части трилогии Александр Снегирев, 30 июня - дата рождения Александра и день падения Тунгусского метеорита, отправная точка пути героя.

«Путь Бро» разворачивается воспоминаниями ребенка, взгляд еще «человеческий», но детский. Детскость воспоминаний крайне важна, потому что акценты на важнейшие исторические события смещаются, они представлены через инаковую интерпретацию. Посмотрим, как изображена война глазами ребенка:

«Я же, прожевывая слишком большой кусок пирога с яйцом, уставился на газету. Большое черное слово ВОЙНА было сложено пополам. Под ним виднелось слово поменьше – СЕРБИЯ. Оно заставило меня вспомнить серп, которым бабы жали пшеницу и гречиху на наших приусадебных полях. Прусаками у нас звали рыжих тараканов. Представив, как они рыжей тучей набросятся на железный СЕРП и сожрут его, к ужасу жницы, я содрогнулся и шумно выплюнул на газету непрожеванный кусок <...> Не знаю почему, но на всю жизнь для меня это стало символом войны». [2:18]

Война в понимании ребенка становится карикатурным, почти мультипликационным образом, это страшные тараканы, их полчища, пожирающие серп. Война - довольно прозрачный даже для ребенка образ разрушения, уничтожения. Остраненно повествуется не только об истории, но и о формировании основных понятий у ребенка, например, как для ребенка предстают «любовь» и «насилие»:

«Я смотрел на драку как замороженный, не понимая смысла происходящего. Люди в овраге делали что-то очень важное <...> Они кричали, ругались и вскрикивали. И словно что-то *отдавали* друг другу кулаками. Мне стало интересно и страшно». [2:21]

Для Саши Снегирева оба этих понятия сходятся в том, что делаются с большой силой и страстью, он понимает, что оба очень важны в мире взрослых:

«Я понял, что дети рождаются от *тайного* *кряхтения*, которое тщательно скрывается ото всех». [2:25]

Переезд же семьи Снегиревых из родового имения в Петербург происходит на фоне политических изменений в стране, но они опять-таки предстают инаким детским взглядом. Революционные настроения начала прошлого века в России характеризуются в тексте тремя новыми для ребенка словами, столь часто слышимыми в толпе, дома за ужином,

ребенку они не говорят ничего, но рожают смутную тревогу: «безработица, стачка, бойкот». Изменения политические продолжают передаваться только отдельными словами, знаками, неинтерпретируемыми ребенком, события предстают неологизмами, небезызвестными советскими сокращениями, для ребенка они неведомы и непонятны, что превращает происходящее в некоторое абсурдное действо, неподдающееся декодировке: «совдеп», «революционные массы», «временное правительство» и «хвост».

Поворотной точкой в повествовании становится контузия Александра, материализованно давшей начало его преобразению в другого, в иного, это промежуточное звено в двух основных планах остранения, это уже не «наивный» взгляд ребенка, но еще не взгляд инопланетного существа.

Так как ребенок вырос, то объективная реальность начинает восприниматься «обыкновенно», он должен стать как все, прием остранения же у Сорокина начинает искать новые способы репрезентации реальности, остраненность должна была прерваться, но после травмы, перенесенной Сашей, восприятие мира не может быть обыкновенным. Физическая травма становится еще одним способом отчужденного, остраненного повествования о событиях, это начало инициации. Александр Снегирев перестает интересоваться происходящим вокруг, его смутно и бессознательно волнует астрономия, именно космос оказывается в центре его мыслей, желаний, он тянется к большим камням, минералам, в них он находит покой, не в людях. Здесь дается начало процессу отторжения людей, как вымышленных, так и реальных, для героя нет разницы между Наташей Ростовской и соседями по коммуналке, они начинают репрезентироваться в его сознании как одинаково недолговечные, а значит неважные сущности.

Когда же Снегирева отчисляют: непролетарское происхождение, антисоветчица-тетя, не был комсомольцем и т. д., он еще больше приближается к тому, чтобы уйти из мира «вещного». Предложение отправиться в экспедицию с Л. А. Куликом, известным исследователем метеоритов, дабы изучить место падения Тунгусского метеорита, принимается незамедлительно.

В экспедиции Снегирев понимает, что должен найти «огромное и родное». Этим огромным и родным оказывается, собственно, Тунгусский метеорит, в сорокинской интерпретации - упавшая в озеро огромная

глыба льда. Снегирев ударяется грудью о лед, его сердце пробуждается. С этого момента он становится братом света, его сердце произносит имя Бро. Он оказывается одним из 23000 братьев и сестер света, создавших Землю. Так начинается еще один способ инакового обозначения, определения реальности, ныне фокусом этого повествования становится инопланетное существо, часть «света изначального», закабаленного в человеческое тело, плоть.

Весь мир, человеческая жизнь начинают репрезентироваться посредством иноземного взгляда, нечеловеческого разума. Конечно, В. Сорокин не первым использует такое остранение, достаточно вспомнить знаменитый рассказ Терри Биссона «Они сделаны из мяса», в нем люди, на удивление неземного разума, - «поющее мясо», «мясо, делающее машины», «разумное мясо», «мясо с совестью». Такими же остраняющими определениями, напоминающими кеннинги, предстают люди и в тексте Сорокина.

Взгляд и восприятие Бро становится все остраненнее по мере того, как растет сила его неземного сердца. Это взгляд трансформируется в нечеловеческий, счехчелоческий и послечеловеческий, они позволяют представить мир вне автоматизированного, традиционного восприятия. Он останавливается на отдельных исторических лицах, на человеческой деятельности вообще и, на столь важной для всего творчества В. Сорокина, теме творческого акта, создания литературы. Рассмотрим их подробнее.

Бро оказывается в библиотеке и понимает, что книги - это «всего лишь бумага с комбинацией букв и слов, а писатели в рамках на стене в читальном зале - странные машины, производящие эту бумагу с буквами». Обращение к литературе, тексту в романах неоднократно, находим: «Там (в библиотеках) всегда сидели тысячи мясных машин и занимались молчаливым безумием: внимательно перелистывали бумажные листы, покрытые буквами. Они получали от этого особое, ни с чем не сравнимое удовольствие». [2:511] Далее: «Читая буквы, они складывали их в слова, которые вызывали в головах у мясных машин различные фантазии. Эти фантазии отвлекали мясных машин от повседневных забот. Как и перебродивший сок плодов или зерен, буквы на бумаге доставляли телам мясных машин временное удовольствие». [2:609]

Это очень важное определение литературы писателем, к ней автор имплицитно и постоянно обращается, пробуя бумагу на известный

концепт «все стерпит». Сорокин неоднократно подвергает сомнению статус литературы, если литература - всего лишь буквы на бумаге, то в ней все дозволено, что он и демонстрирует наиболее наглядно в своих ранних текстах.

А человеческая жизнь предстает следующим перечислением механических действий, они представлены сплошь глагольными формами, обезличивающими, обезличенными и обесмысливающими, это рассмотрение жизни людей вне каких-либо частных проявлений, несколько десятков действий описывают всех и каждого:

«Миллионы окровавленных младенцев выдавились на свет и слабо закричали, их обмыли, обрезали пуповину, спеленали, приложили к грудям, они жадно всосали в себя материнское молоко, стали расти, поползли, сели, встали, пошли, потянулись к игрушке, заговорили, побежали, пошли в школу с портфелями и цветами, стали писать буквы на бумаге, читать книги, учиться правилам жизни <...>, состарились, умерли. Человек был МЯСНОЙ МАШИНОЙ». [2:210]

Интересно также и обращение к дихотомии двух стран, СССР и Германии, на фоне Второй мировой войны, для нечеловеческого взгляда эти две страны имплицитно тянутся друг к другу. Несмотря на то, что они противопоставлены, волнует их одно и то же, из-за различных пониманий, трактовок «порядка», то есть того, что должно, того, что следует, их столкновение является неизбежным и естественным:

«В немецкоязычной толпе внутренний гул ревел о Порядке. Эта толпа жаждала Порядка. Но только в мире мясных машин. Мир Земли этой толпе представлялся Абсолютным Порядком. В русскоязычной толпе стоял совсем другой внутренний гул. Он тоже ревел о Порядке, но не в мире мясных машин, а в окружающем мире». [2:245] Небезызвестные события, исторические лица прошлого века предстают «опрошенными», их властность, статус, неприкосновенность уничтожается низведением их до обыкновенных «мясных машин». Так, в Германии «к власти пришла одна мясная машина, которая умела очень громко и яростно говорить». [2:245]

Взгляд иноземный представляет события, человеческие действия, плоды этих действий в упрощенном и максимально схематичном виде, в итоге описываемый мир обретает абсурдность, нелогичность и карикатурность.

Таким образом, «Ледяная трилогия» выводит двумя основными повествующими инстанциями (ребенок и инопланетное существо) взгляд на мир, этот взгляд заведомо иной, чужой. Точка зрения существа, еще не введенного в корпус социальных, моральных, исторических и пр. конвенций, договоренностей, правил, но так или иначе должного впитать все их, и взгляд существа, уже избавившегося от этих конструктов. Деавтоматизация восприятия, освежение взгляда на предмет, события, явления и пр. возможны для читателя благодаря внедрению, вживанию, включению в эту игру остранения, посмотреть на все происходящее по-другому, извне, не «по-человечьи», ведь читатель, по тексту, является рядовой «мясной машиной», уже не ребенок, иной, но еще не сверхчеловек.

**ՕՏԱՐԱՑՄԱՆ ՈՃՐ Վ. ՍՈՐՈԿԻՆԻ «ՄԱՌՑԵ ԵՌԱՊԱՏՈՒՄ»-Ի ՄԵՁ
Այվազյան Ս. Ս.**

Հոդվածում դիտվում է օտարացման ոճը, որը ուսումնասիրվել է դեռ Վ. Շկլովսկու կողմից: Մենք ուսումնասիրում ենք այդ մոտեցման զարգացումը Վ. Սորոկինի սրեղծագործություններում, ինչպես նաև պատմության և իրականության վերաներկայացումը:

Բանալի բառեր. օտարացման ոճը, ընկալման դեավտոմատիզացիան, այլությունը:

**TECHNIQUE OF DEFAMILIARIZATION IN THE “ICE TRILOGY” BY
V. SOROKIN
Ayvazyan S. S.**

The article touches upon the issue of the technique of defamiliarization, which was considered by V. Shklovsky. How the author makes the familiar seem strange in the early stage of his novels, and how this technique is developing in the “Ice Trilogy”. We turned to the main ways of defamiliarization and representation of reality.

Keywords: technique of defamiliarization, deautomatization of perception, otherness.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иоффе Д. Прием остранения в русском поставангарде//”Это просто буквы на бумаге...” Владимир Сорокина: после литературы / Под ред. Е. Добренко, И. Калинина, И. Липовецкий. М.: Новое литературное обозрение. 2018. 712 с.
2. Сорокин В. Ледяная трилогия. Москва.: Издательство АСТ: CORPUS. 2018. 800 с.
3. Шкловский В. О теории прозы. М.: Федерация. 1929. 265 с.
[Электронный ресурс]
https://monoskop.org/images/7/75/Shklovsky_Viktor_O_teorii_prozy_1929.pdf

Сведения об авторе

Айвазян С. С. - преподаватель, аспирант
Российско-Армянский (Славянский) университет
Эл. почта: Seda1821@mail.ru

Поступило в редакцию 17.10.2019